

Кузнецова Е.В., Лопатин В.А.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА АХМАТЕ

Ахматское городище находится на берегу Волгоградского водохранилища, в восточной части Красноармейского района Саратовской области, в 4 км к северо-западу от с. Ахмат. Памятник расположен на открытом мысовом плато, которое образовано двумя глубокими оврагами, сливающимися восточнее городища в балку Елховую. Высота террасы относительно их подножий достигает 8 м. Вся овражная система занята густым байрачным лесом, по дну, с запада на восток протекают ручьи, впадающие в Волгу (рис. 1; 2). На ровной поверхности плато произрастает типично сухостепная травянистая растительность, представленная смешанными популяциями мятлика, овсюга, полыни, ковыля мелкого, а в незначительных понижениях рельефа развиты кустарничковые виды – кемереки и камфоросмы.

Данный ландшафт сложился в пределах Приволжской возвышенности, которая делает нижеволжское правобережье столь заметным и притягательным в открытой степи. Местность характерна весьма выраженной поверхностной денудацией, береговые склоны и прилегающие к ним участки резко расчленены оврагами и балками, покрыты байрачными лесами, которые на водоразделах перемежаются открытыми степными участками. В обрывах берега Волги у Ахмата выходят на поверхность мезозойские породы туронского и коньякского этапов мелового периода, встречаются фоссилии двустворчатых моллюсков, морских ежей и брахиоподов.

В настоящее время поверхность плато не используется в местных хозяйственных системах, но здесь заметны признаки старой распашки, а в западной части мысового образования сохранились заброшенные сады, занимающие внушительные площади.

С напольной стороны территория городища защищена системой фортификации, состоящей из двух земляных валов и двух рвов, из которых со-

вершались заборы грунта при их сооружении (рис. 1). Протяженность городища от края внешнего рва до мысового окончания плато 200 м. Максимальная ширина с севера на юг в центральной части памятника 95 м. Длина внешнего рва 80 м, максимальная ширина в средней части 12 м. Длина внешнего вала 90 м, ширина 15 м, высота над дневной поверхностью 2,7 м. Длина внутреннего рва 83 м, ширина в средней части 8 м. Длина внутреннего вала 87 м, ширина в средней части 18 м, высота над дневной поверхностью 2,3 м. Расстояние между валами 30 м. Примечательно, что в средней части каждого вала заметны неглубокие понижения, которые могут быть заплывшими магистральными проходами широтного направления в системе оборонительных сооружений. Не исключено также, что длительная распашка могла привести к частичной деформации фортификационной системы.

В ходе осмотра городища выявлены признаки первых археологических исследований, проводившихся на Ахмате в начале XX столетия. В его северо-восточной части еще заметны заплывшие очертания раскопа, размеры которого могли составлять 20 x 12 м (рис. 2). Это незначительное понижение подпрямоугольной формы на мысовом участке плато, заросшее мелким густым кустарником. Такое же понижение меньших размеров подпрямоугольной формы (6 x 4 м) выявлено в центральной части памятника (рис. 1).

Ахматское городище обнаружено в 1904 г. во время разведочной поездки члена Саратовской ученой архивной комиссии С.А. Щеглова по Камышинскому уезду Саратовской губернии [Щеглов, 1910. С. 98–100]. В 1911 г. он провел здесь повторное обследование, составил глазомерный план городища и указал его размеры – длину около 120 м, ширину от 85 м в самой узкой части (вероятно, восточный мыс) до 89,6 м в самой широкой. Примечательно, что проведенные тогда обмеры фортификаций заметно отличаются от их современного состояния. С.А. Щеглов опубликовал подробный план городища с указанием его размеров и отметками мест «шурфовок». Однако автор неверно сориентировал положение памятника относительно сторон света, северное направление на плане дано с заметным смещением к северо-западу. Теперь, оперируя современной топографией и космической фотосъемкой, определено можно утверждать, что продольная ось Ахматского городища имеет широтную направленность.

Во время второй поездки были заложены несколько разведочных шурфов, которые сам С.А. Щеглов называет «пробными ямками». Один из них располагался в южном окончании высокого внутреннего вала. Было установлено, что вал сложен из обожженной глины, или, что скорее всего, после насыпки был подвергнут поверхностному прокаливанию. Второй шурф, заложённый в центре городища, показал наличие культурных отложений, где были обнаружены небольшое «количество дробленых костей домашних жи-

вотных, расколотых преимущественно вдоль», «зола и угли с черепками грубой глиняной посуды» [Щеглов, 1912. С. 92]. В его статье приводятся рисунки керамических находок, позволяющие установить их культурную принадлежность: несколько фрагментов относятся к городецкой культуре, один обломок венчика с зашипами по краю устья, вероятно, скифоидного типа, а часть стенки с короткими оттисками, расположенными в «елочной» комбинации, является фрагментом катакомбного сосуда [там же. С. 91].

В 1912 г. на Ахматском городище побывал А.А. Спицын, которого сопровождали С.А. Щеглов, В.И. Онезорге, П.Н. Шишкин, Б.В. Зайковский и другие члены СУАК [Лопатин, 2003. С. 10]. Вероятно, тогда был заложен раскоп на мысовой части памятника, который в настоящее время покрыт кустарником. Именно тогда от местных жителей экскурсанты узнали о существовании большого многослойного поселения в урочище «Мартышкино», куда была предпринята поездка из Ахмата на лодках по Волге. Находки из раскопок на Ахматском городище и поселении в Мартышкино (разнокультурная керамика, изделия из камня, кости и металлов) были переданы А.А. Спицыну в Петербург «для определения древности», очень малую часть вывезенных предметов он опубликовал в специальной статье [Спицын, 1923], но дальнейшая судьба этой коллекции в настоящее время не известна.

С 1919 по 1929 гг. городище неоднократно посещалось саратовскими краеведами Б.В. Зайковским, А.А. Кротковым, В.Ф. Ореховым, П.Н. Шишкиным [Миронов, 1989. С. 107], поэтому коллекции Ахмата и Мартышкино постоянно пополнялись материалами новых сборов. Некоторые комплексы, хранящиеся в фондах Саратовского областного музея краеведения, маркированы шифрами обоих памятников. Впрочем, эта путаница могла возникнуть и позже, в результате последующих многократных перемещений единиц хранения СОМК.

В 1930-х гг. городище обследовалось профессором СГУ П.С. Рыковым [Рыков, 1931; Максимов, 1989. С. 8], а также И.В. Синецким и П.Д. Степановым. Тогда было высказано предположение о том, что это многослойный памятник, верхний культурный пласт которого содержит черепки золотоордынской эпохи, средний слой, по характеру находок, оставлен представителями городецкой культуры, а в нижнем слое, относящемся к эпохе бронзы, находили угли, характерную лепную керамику и кости животных.

В 1965 г. Ахматское городище было обследовано Ю.В. Деревягиным, о чем он неоднократно докладывал в отчетной документации и популярных изданиях [Деревягин, 1965а; он же, 1965б; он же, 1968; он же, 1976. С. 130], и в течение того же сезона на памятнике побывали Д.С. Худяков, П.Д. Степанов и В. Сулова [Миронов, 1989. С. 107]. Тогда на городище были найдены фрагмент каменного топора, в настоящее время хранящийся в Саратовском обла-

стном музее краеведения*, бронзовый листовидный нож, который по предположению С.Н. Кореневского относится к эпохе средней бронзы [Кореневский, 1978. С. 43, рис. 8, 26], а также большое количество разновременной керамики, глиняные пряслица, грузило, каменный абразив.

* * *

Новые исследования на Ахматском городище начаты в августе 2012 г. отрядом Института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета. Была проведена инструментальная съемка всей площади памятника и составлен его подробный план (рис. 1), а также заложены два разведочных шурфа в непосредственной близости от северо-восточного и юго-восточного мысовых окончаний террасы (рис. 2).

Основная цель исследований заключалась в проверке современного состояния этого известного памятника, уточнении степени сохранности внешней поверхности, участков периметра, которые подвергаются естественным абразионным процессам. Предполагалось также выяснить характер культурных отложений, поскольку результаты раскопок, проводившихся еще в начале XX столетия, не получили должного освещения в археологической литературе, а материалы сборов того и последующего периодов слишком малочисленны и не могут дать полного представления об этом уникальном объекте.

Раскопы, заложенные на восточной окраине Ахматского городища, были ориентированы по сторонам света. Выемка грунта осуществлялась вручную, условными пластами по 0,2 м, с последующей зачисткой и фотофиксацией каждого уровня.

Шурф №1 размерами 2 x 4 м и глубиной 0,82 м разбит в северо-восточной части памятника, в 4 м к юго-западу от старого заросшего раскопа А.А. Спицына. Продольной осью шурф ориентирован по линии «север-юг». По данным нивелировки дневная поверхность имеет значительный уклон (0,37 м) в направлении с юга на север. Верхний отдел стратиграфической колонки занимает тонкий (до 0,15 м) пласт современного гумуса – рыхлого темно-серого грунта, плотно армированного корневищами травянистой растительности. Ниже залегает относительно однородный культурный слой – светлый серо-коричневый суглинок, толщиной 55–75 см. Ниже зачищен материк, представляющий собой пласт светло-коричневой глины. По направлению с юга на север наблюдается плавное понижение материкового уровня.

Шурф № 2 размерами 2 x 2 м заложен в 30 м южнее шурфа № 1, в юго-восточной части мысового окончания террасы (рис. 2). В пределах вскрытой площади внешняя поверхность плавно повышается с востока на запад в пре-

* Фонды СОМК. Инв. № 2657.

делах 10 см. Глубина шурфа колеблется от 0,39 до 0,47 м. Стратиграфическая ситуация отличается от предыдущей. Толщина слабогумусированного верхнего слоя достигает 10 см. Мощность культурного слоя сравнительно невелика и составляет от 25 до 40 см. Это очень рыхлый серый грунт с включениями золистых фракций, абсолютно однородный, без каких-либо прослоев. Отличается также материковая подошва; здесь это разрыхленный пласт мелкой опоки, смешанной со светло-коричневым суглинком.

В августе 2014 г. шурф № 2 был вновь расчищен и расширен в восточном направлении до небольшого раскопа размерами 4 x 8 м, и таким образом вскрытая на данном участке площадь составила 32 кв. м (рис. 2). Стратиграфические данные аналогичны тем, что наблюдались здесь двумя годами ранее.

Раскопки этих двух лет подтвердили присутствие в отложениях памятника разнокультурных материалов эпох средней и поздней бронзы, раннего железного века, средневековья. Кроме того, на южном участке были выявлены признаки пока еще не ясной погребальной практики в виде разрозненных человеческих костей, которые были сконцентрированы в юго-западной части раскопа. Не исключено, что в будущем здесь будет зафиксирован грунтовый могильник, что нередко встречается на нижеволжских городищах. В совокупности с уже известными сведениями по раскопкам начала XX столетия, а также материалов, хранящихся в фондах СОМК, небольшая коллекция, полученная исследованиями 2012–2014 гг., подтверждает высокое значение этого малоизученного памятника для реконструкции и моделирования древних культурно-исторических процессов на территории Нижнего Поволжья.

Весьма интересна подборка наиболее ранней керамики, в которой можно выделить материалы, относящиеся к средней бронзе, поздней бронзе и финалу бронзового века (рис. 3; 4). Блок сосудов, представляющих эпоху средней бронзы, отражает известную многокомпонентность культуругенетических процессов этого времени (рис. 3).

Несколько фрагментов условно отнесены к катакомбному типу керамики (рис. 3, 1, 2, 11, 15, 18). Их отличает шнуровая и гребенчатая орнаментация и «ёлочное» построение элементов декора. Не исключено, что в профилировке венчика, украшенного оттисками крученого шнура (рис. 3, 1), отразилась архаичная традиция местного пережиточного энеолита. Подобные двучастные профили венчиков с загибом края устья внутрь типичны для сосудов алексеевского типа, которые известны исключительно на памятниках нижеволжского правобережья. Наиболее массовая коллекция таких сосудов была получена на Алексеевской стоянке близ Хвалынского [Васильев, Непочатых, 1977], а единичные находки происходят с многих городищ и поселений, преимущественно разрушающихся активными абразионными процессами, в

том числе и с Мартышкино [Лопатин, 2012а. С. 72, рис. 6, 1; Васильев, Габяшев, 1982].

Довольно представительна серия керамики вольского типа, четко диагностируемая по массивным венчикам и типичной узкозональной орнаментации, выполненной короткими гребенчатыми и гладкими штампами (рис. 3, 3, 6, 9, 10, 12). Один из указанных сосудов (рис. 3, 3) можно отнести также к вольско-катакомбной культурной группе, которая выделяется на компактной территории Нижнего Поволжья, как на поселениях, так и в погребальных комплексах. В частности, керамика, в которой наблюдается сплав вольских и катакомбных элементов (узкозональная организация орнамента при наличии «ёлочных» композиций), известна на ближайшем, к Ахмату поселении в урочище Мартышкино, на правобережных нижеволжских городищах Алексеевском, Андриановском и Утесе Степана Разина, а также в погребальных комплексах Белогорского грунтового могильника, в курганах Советского и Барановки [Лопатин, 2012б. С. 74, рис. 4; Мальшев, 2008; Малов, Сергеева, 2010; Дремов, 1996; Баринов, 1996; Сергацков, 1992].

В этом же блоке следует поместить фрагменты керамики, которые предположительно отнесены к воронежской культуре (рис. 3, 4, 5, 7, 8, 13, 14, 16). Этот керамический материал отличается, прежде всего, по фактуре (примесь мелкого кварцевого песка), по характерной скошенности края устья наружу (рис. 3, 14, 16), по пальцевым отпечаткам и тонким, удлиненным линиям, врезным или гребенчатым (рис. 3, 4, 5, 7, 13), а также по горизонтальным рядам отпечатков, нанесенных краем плоского штампа (рис. 3, 16).

Основная локализация памятников воронежской археологической культуры – это среднее течение Дона с притоками (Пряхин, Беседин, 1988). Но работами последних лет установлена рассеянная диффузия воронежских памятников и элементов данной культуры в синкретичных комплексах на широкой территории восточнее Дона, что, вероятно, является признаком дальних и неоднократных миграций среднедонских групп населения. В частности, выявлено присутствие воронежских поселений на Хопре [Хреков, 2012; Лопатин, Русина, 2013; Быков, 2013], а воздействие воронежского культурного импульса ощутимо в Доно-Волжском междуречье, в Заволжье и даже на северо-восточном Устье [Дворниченко и др., 2006; Лопатин, 2012а; Самашев и др., 2009].

Раскопки на Ахмате 2012 и 2014 гг. показали общекультурную включенность этого памятника в сложные процессы активизации культуригенеза в конце эпохи средней бронзы и в начале позднего бронзового века. В этот период многочисленные культурные группы посткатакомбного и постшнурового типов осваивали широкие вмещающие пространства между Доном и Волгой, а также в Волго-Уральском междуречье. Их присутствие на поволж-

ских памятниках не было продолжительным, о чем свидетельствует отсутствие каких-либо явно выраженных монокультурных слоев. Все материалы эпохи бронзы залегают здесь в микшированном состоянии.

Это касается также комплекса поздней бронзы и ее финала (рис. 4). Визуально их можно дифференцировать на две группы, и основным критерием такой систематизации является наличие у некоторых фрагментов признаков рельефной орнаментации – налепных валиков и воротничков (рис. 4, 4, 7, 10, 13, 14).

Несколько фрагментов можно уверенно отнести к срубной культуре эпохи поздней бронзы, причем к ее раннему этапу, о чем опосредованно свидетельствуют такие признаки, как поверхностные расчесы, орнаментация, выполненная крученым шнуром (рис. 4, 2), а также покровские реминисценции в оформлении венчиков – внутренняя реберчатость и желобок (рис. 4, 1, 3). Типично срубным материалом является также слабопрофилированная керамика (рис. 4, 5, 6) и фрагменты с оттисками гребенчатого штампа (рис. 4, 8, 9). Срубные материалы, происходящие с Ахматского городища, еще никогда не фигурировали в литературе, хотя их наличие на правобережных высокорасположенных поселениях – это вполне типичное явление для поздней бронзы Нижнего Поволжья. Отмечено также, что здесь комплексы срубной культуры на финале бронзы, как правило, сменяются памятниками хвалынского типа (Малов, 1987). В ближайшей округе это отмечено на Алексеевском и Танавском городищах, в Мартышкино, Сухой Мечетке, Ерзовке I (Изотова, Малов, 1992; Лопатин, 2003; Мальшев, 2008; Мыськов, 1992; Дьяченко, 1992). То же самое явление мы видим на Ахмате.

Валиковые сосуды здесь однотипны, они характерны наличием налепного элемента, одинаково рассеченного косыми нарезками или оттисками короткого гребенчатого штампа. Разница наблюдается лишь в расположении самого валика относительно общей высоты сосуда: на плечике (рис. 4, 4, 7), под устьем (рис. 4, 10), или на линии шейки (рис. 4, 14), а также в оформлении устья (закраины), уплощенного (рис. 4, 10), или овального (рис. 4, 14). Встречаются также приостренные профили венчиков, как на одном фрагменте с воротничком (рис. 4, 13). Как правило, элементы рельефной орнаментации покрыты несложным декором (косые линии, решетки). Предварительно отметим, что зафиксированные в Ахмате материалы финала бронзы в большей степени соответствуют раннехвалынскому (ивановскому) типу.

К бронзовому веку можно также отнести половинку каменного полированного предмета кольцевидной формы (рис. 6, 5), массивный скребок на кварцитовом отщепе (рис. 6, 6) и острие сломанной костяной проколки (рис. 6, 8). Кольцевидный полированный камень (рис. 6, 5) похож на грузик рыболовной сети или ткацкого стана (более реально второе предположение). Но при этом совершенно непонятна целесообразность сплошной полировки

предмета и его довольно малые размеры. Диаметр диска 4,3 см, отверстие, смещенное от центра, имеет диаметр 1,3 см. Ширина узкой (верхней) части кольца 1,1 см, широкой (нижней) части 2 см. Не исключено также, что данное изделие могло быть украшением (нагрудной подвеской), но прямые аналоги этой вещи нам не известны, поэтому окончательное определение ее функциональности остается открытым.

Скрепки из кварцита или кремня на основе отщепной индустрии имеют весьма широкие пространственные и временные ориентиры, типичны для многих культур степной и лесостепной Евразии в эпохи энеолита – бронзы. Не исключено, что наш экземпляр (рис. 6, 6) округлой формы, с высоким рабочим краем и крутой ретушью на двух третях всего периметра следует синхронизировать с блоком керамики эпохи средней бронзы, но в большей степени с фрагментом, имеющим черты пережиточного энеолита «алексеевского» типа (рис. 3, 1).

Костяная проколка, представленная фрагментом (рис. 6, 8), также имеет массу аналогий в памятниках энеолита – бронзы нижеволжского региона. Длина сохранившейся части орудия составляет 2,8 см, ее сечение имеет форму неправильного овала с максимальным диаметром 0,7 см. Чаще всего такие проколки (шилья) изготавливались на базе лучевой косточки мелкого рогатого скота.

Наиболее многочисленная группа керамического материала, полученного работами 2012 и 2014 гг., относится к раннему железному веку (рис. 5; 6, 1–4). Это керамика, имеющая ярко выраженный городецко-скифоидный облик, и она была оставлена здесь тогда же, когда в западной части плато были возведены земляные фортификационные сооружения, примерно в VI–V вв. до н. э., но немаловажно, что этот комплекс здесь развивался вплоть до сарматского времени.

Собственно городецкая псевдорогожная керамика представлена только одним фрагментом, это обломок придонной части сосуда, сплошь покрытого прямоугольными ячейками «рогожки» среднего размера (рис. 6, 4). Известно, что на Ахмате рогожная керамика была обнаружена в раскопках начала XX в и получила характеристику в известной работе А.А. Спицына, связавшего такую посуду с памятниками древнефинского типа [Спицын, 1923].

Более широко представлены гладкостенные округлобкие сосуды с высокими, плавно отогнутыми наружу венчиками, отличительной особенностью которых являются горизонтальные ряды пальцевых вдавлений и косых насечек на краях (рис. 5, 1, 3, 5, 6; 6, 1–3). По классификации А.П. Медведева это сосуды II типа, которые широко встречаются в лесостепном Подонье, и даже в Днепро-Донском междуречье в скифо-сарматское время [Медведев, 1998; Либеров, 1962; Алихова, 1962; Синюк, Березуц-

кий, 2001; Золотарев, 2004]. Несколько отличны два фрагмента с резко отогнутыми венцами и внутренней реберчатостью (рис. 5, 2, 4), которые А.П. Медведев относит к III типу своей схемы [Медведев, 1998. С. 43–45]. В нижневолжском правобережье подобные сосуды известны на Чардымском II и Алексеевском городищах [Хреков, 2006. С. 159; Малышев, 2008. С. 320–325]. Следует отметить, что ситуация с необходимостью разграничения гладкостенной посуды поволжских городищ на ранний скифоидный и поздний сарматский комплексы представляется довольно спорной. Решить эту проблему можно будет только с обнаружением хорошо стратифицированного памятника, где неоспоримой окажется именно литологическая преемственность определенных керамических типов.

К раннему железному веку предположительно отнесены два глиняных пряслица, фрагмент деревянной обуглившейся втулки и бронзовая бляха, которая может являться деталью пластинчатого доспеха [рис. 6, 9–12].

Прясла различны по формам, но они надежно могут быть помещены в рассматриваемый период. Одно из них, представленное фрагментом (рис. 6, 10), имело цилиндрическую форму с прямым отверстием для веретена. Его диаметр 2,7 см, высота около 2 см. Второе биконической формы, с прямым цилиндрическим отверстием, диаметром по максимальному расширению 3 см и высотой 2,5 см, абсолютно целое (рис. 6, 11). Серия биконических пряслиц известна в материалах Чардымского II городища [Хреков, 2006. С. 160, рис. 3, 16, 18, 19]. Встречены они также в Алексеевке [Малышев, 2008. С. 334, рис. 23, 21], впрочем, автор раскопок Алексеевского городища отнес усечено-биконические прясла к золотоордынскому времени. Подобные спорные ситуации всегда возникают при интерпретации материалов многослойных микшированных памятников. Изделия цилиндрических форм встречаются несколько реже, но в целом они также типичны для поселенческих и погребальных памятников раннего железного века. Фрагмент деревянной обугленной втулки (рис. 6, 12) практически повторяет ту же самую форму низкого цилиндра.

Весьма интересна деталь пластинчатого доспеха (рис. 6, 9), которая обнаружена в составе подъемного материала. Это округло-овальная пластина цветного металла, размерами 3,5 x 3,2 см, раскованная до толщины 1,5 мм, с выпукло-вогнутым профилем и поврежденным коррозией нижним краем. Четыре прошивных отверстия, пробитые изнутри тонким керном, расположены парами на расстоянии 0,5–0,8 см от боковых краев пластины. В исследованиях по типологии пластинчатых доспехов РЖВ изделий, абсолютно подобных нашему округлому варианту, нет. Пластинчатые доспехи скифо-сарматского времени собирались из пластин подпрямоугольных форм с округленным или угловатым нижним краем. При этом отверстия (от двух до

четырёх) под прошву на таких пластинах чаще всего расположены в горизонтальную линию у верхнего края с небольшим смещением в сторону для наложения бокового края на соседний элемент. Характер крепления металлической нашивной пластины на кожаную основу – это принципиальный вопрос, который относится к области ремесленной традиции и возможных случаев ее искажения в варварской среде. Искажения могли возникать в случае необходимости ремонта доспеха, когда на пластинах пробивались дополнительные прошивные отверстия. На нашей пластине с четырьмя отверстиями (рис. 6, 9) заметно, что правая пара ближе к боковому краю, чем левая, и таким образом именно левым краем она накладывалась на соседний элемент. Похожие варианты крепления панцирных пластин четырьмя прошвами известны по материалам сарматских курганов у ст. Казанская и Калиновки [Хазанов, 1971. С. 165, табл. XXX, 5, 12], где хорошо заметно, что первичная схема крепления прямоугольных элементов доспеха поправлена дополнительными отверстиями.

Железный гвоздь (рис. 6, 7) отнесен к средневековому времени. Золотоордынских находок в означенные сезоны было сделано мало, это мелкие неорнаментированные фрагменты стенок красноглиняных и серых сосудов предположительно болгарского и древнерусского типов, а также указанный гвоздь, единственный железный артефакт, представленный в данной публикации. Подобные варианты гвоздей (с широко раскованными и сплюсненными шляпками) хорошо известны на памятниках Золотой Орды сельского типа. Нижняя заостренная часть стержня гвоздя закручена в спираль. Длина предмета в таком виде составляет 2,8 см, ширина шляпки 1,6 см. Сечение стержня прямоугольное с шириной 0,5 см и толщиной 0,3 см. Чаще всего они встречаются в раскопках городов и поселений Золотой Орды, но также и в погребальных комплексах, как крепеж деталей деревянных гробовищ. Примеров аналогий железным гвоздям с расплюсненными шляпками множество, но вновь укажем из ближайших памятников Алексеевское городище, где есть ярко выраженный средневековый слой [Мальшев, 2008. С. 334, рис. 23, 4, 5].

Литература:

Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья // МИА. № 113 / Лесостепные культуры скифского времени. М., 1962.

Баринев Д.Г. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.

Быков В.Ю. Новые археологические памятники в Аркадакском районе Саратовской области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. Вып. 10.

Васильев И.Б., Непочатых В.А. Новая стоянка в Хвалынском районе Саратовской области // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.

Дворниченко В.В., Лопан О.В., Мимоход Р.А. Курганный могильник Песковка-I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3.

Деревягин Ю.В. Отчет об археологических разведках в Саратовской области в 1965 году // Архив ИА РАН. № 3059.

Деревягин Ю.В. Ахматское городище // Новая жизнь. 1965. № 107.

Деревягин Ю.В. Отчет об археологических разведках в Саратовской области в 1968 году // Архив ИА РАН. № 3655.

Деревягин Ю.В. Юному туристу – археологу // Изучай родной край и берегай его богатства. М., 1976.

Дремов И.И. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.

Дьяченко А.Н. Поселение Ерзовка I и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. 1992. Вып. 3.

Золотарев П.М. Новые материалы скифо-сарматского времени в районе с. Мастюгино // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003. М., 2004.

Изотова М.А., Малов Н.М. Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища // Археология Восточно-Европейской степи. 1992. Вып. 3.

Корневский С.Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культуры // СА. 1978. № 2.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. № 113 / Лесостепные культуры скифского времени. М., 1962.

Лопатин В.А. Культурно-хронологические комплексы поселения в урочище «Мартышкино» (материалы эпохи поздней бронзы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 г. Саратов, 2003. Вып. 5.

Лопатин В.А. «Воронежский» вектор становления памятников покровского типа на Волге // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2012а. Вып. 9.

Лопатин В.А. Вольско-лбищенский вектор культурогенеза // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2012б. Вып. 10.

Лопатин В.А., Русина А.С. Абашевско-воронежское взаимодействие по керамическим материалам лесостепного Прихоперья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2013. Вып. 11.

Максимов Е.К. Павел Сергеевич Рыков (к 100-летию со дня рождения) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989. Вып. 1.

Малов Н.М. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы (по материалам поселений) // Суздаль, 1987.

Малов Н.М., Сергеева О.В. Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья, Волго-Донского и Волго-Уральского междуречья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010. Вып. 8.

Малышев А.Б. Исследования Алексеевского городища в 2006 году // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.

Медведев А.П. III Чертовицкое городище (материалы 1-ой половины I тыс. до н. э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. / Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 12.

Миронов В.Г. Очерк истории исследований городицких поселений в Саратовском Поволжье в 1918–1977 годы (материалы к археологической карте Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989. Вып. 1.

Мыськов Е.П. Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Донском междуречье // Археология Восточно-Европейской степи. 1992. Вып. 3.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. Воронежская культура средней бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. Днепропетровск, 1988.

Рыков П.С. Отчет об археологических работах 1930 года, произведенных в Нижне-Волжском крае проф. П.С. Рыковым // Архив ЛОИА. 1931. № 795.

Сергацков И.В. Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (раскопки 1987–1988 гг.) // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2.

Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.

Спицын А.А. Саратовские стоянки медного века // Труды ИСТАРХЭТ. Саратов, 1923. Вып. 34.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Хреков А.А. Этнокультурная ситуация в правобережных районах Саратовского Поволжья в первой половине I тыс. н. э. // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2006. Вып. 4.

Хреков А.А. Памятники воронежской культуры в бассейне Хопра // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2012. Вып. 10.

Щеглов С.А. Доклад об Ахматском городище // Труды СУАК. Саратов, 1910. Т. 26.

Щеглов С.А. Поездка на Ахматское городище // Труды СУАК. Саратов, 1912. Т. 29.

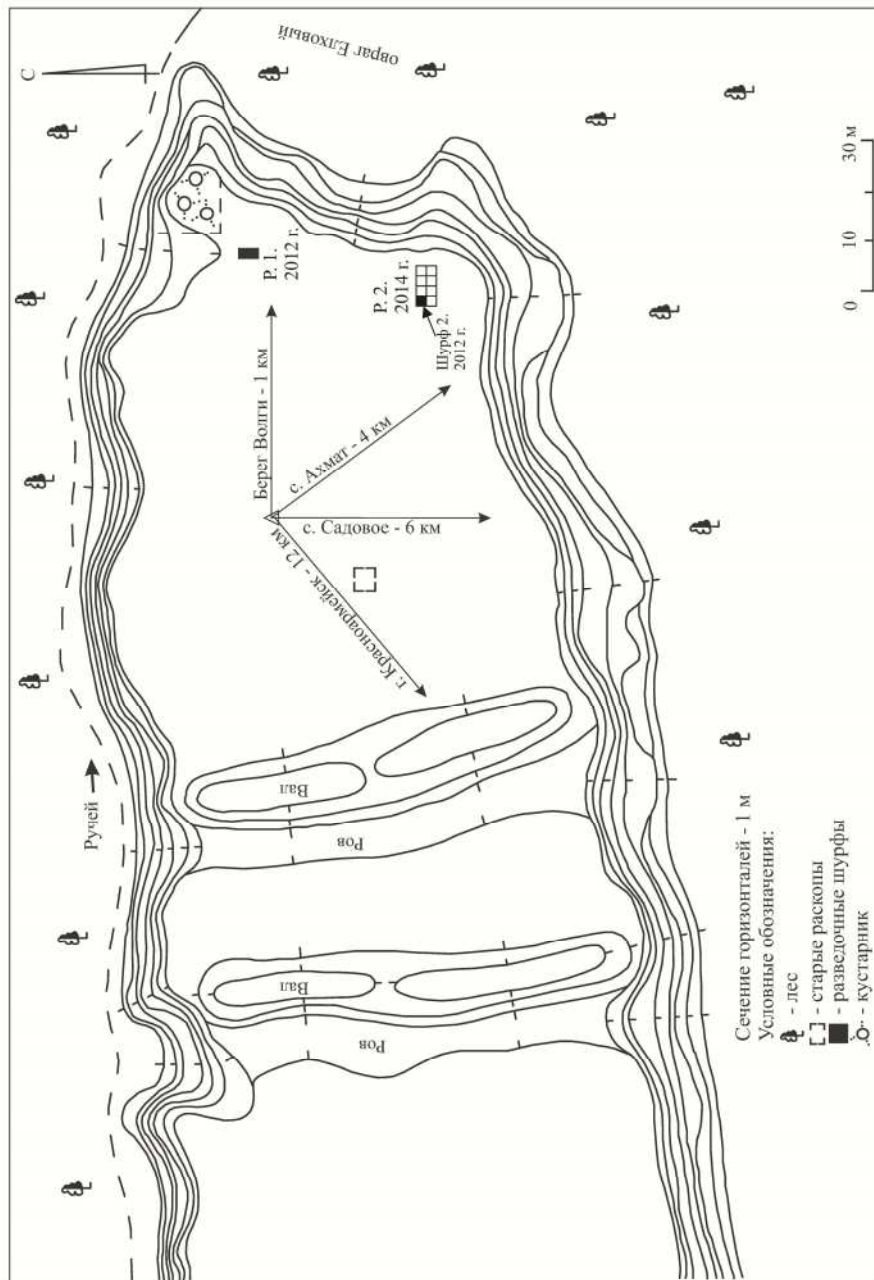

Рис. 1. План Ахматского городища

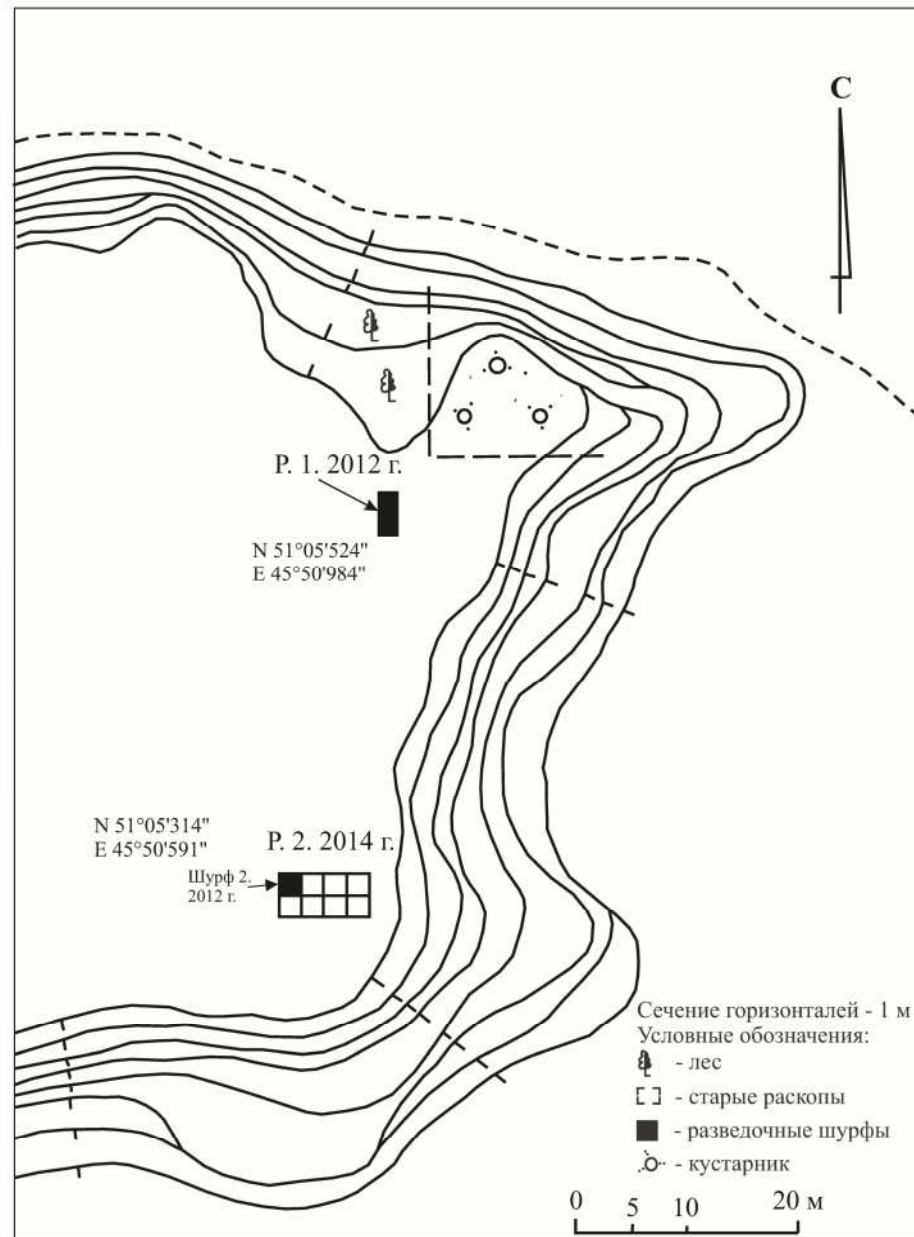

Рис. 2. Восточная часть памятника с раскопами 2012 и 2014 гг.

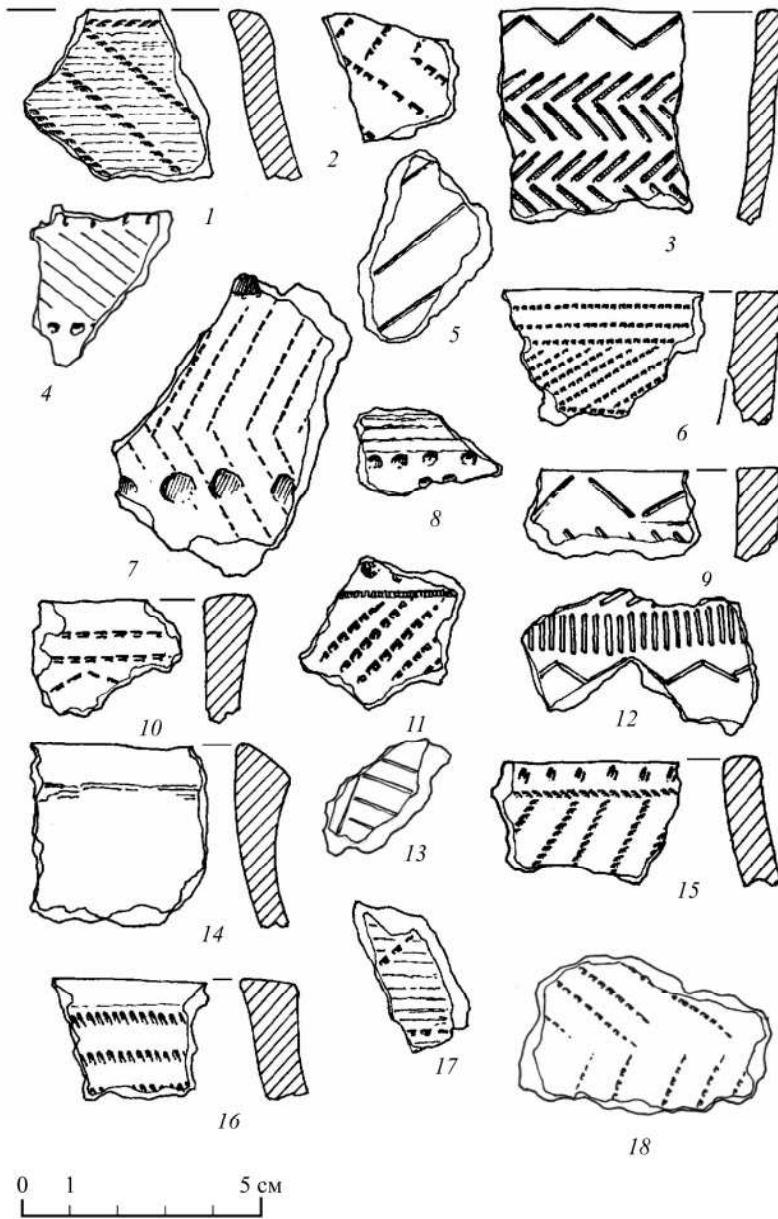

Рис. 3. Керамика эпохи средней бронзы

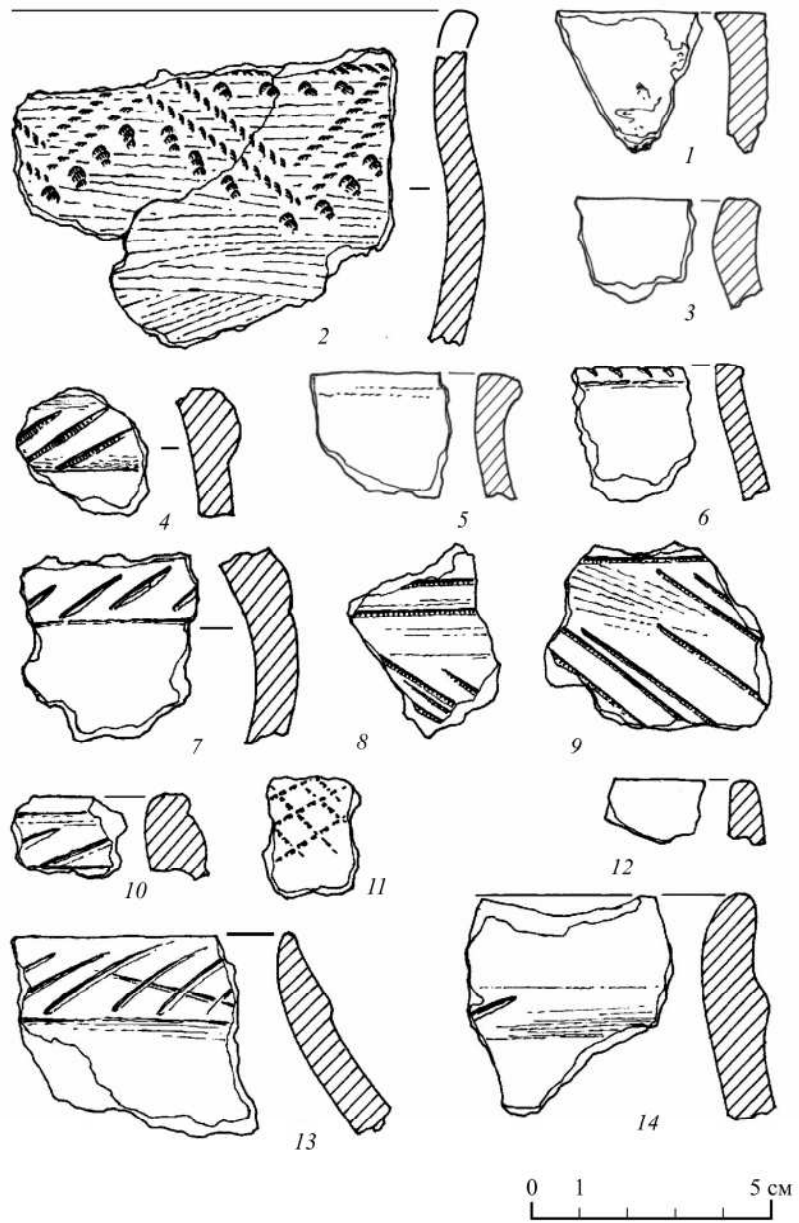

Рис. 4. Керамика эпохи поздней бронзы и финала бронзового века

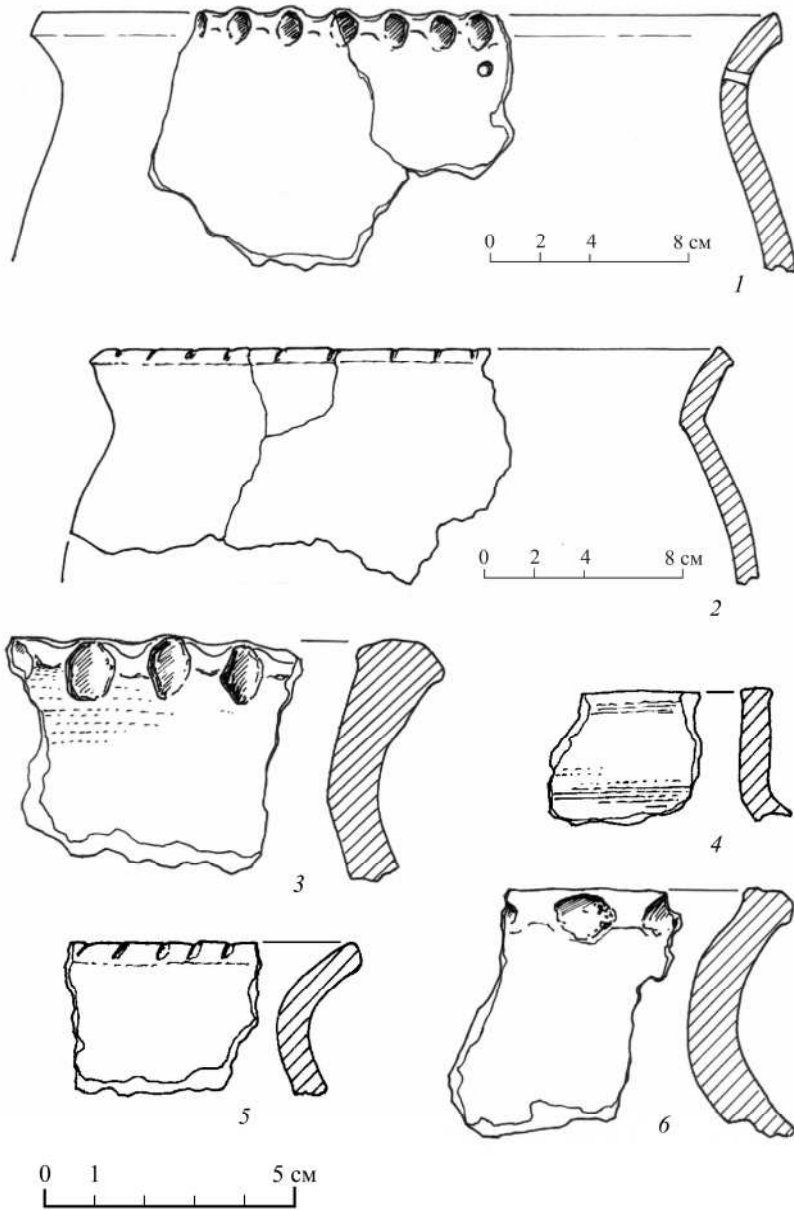

Рис. 5. Керамика раннего железного века

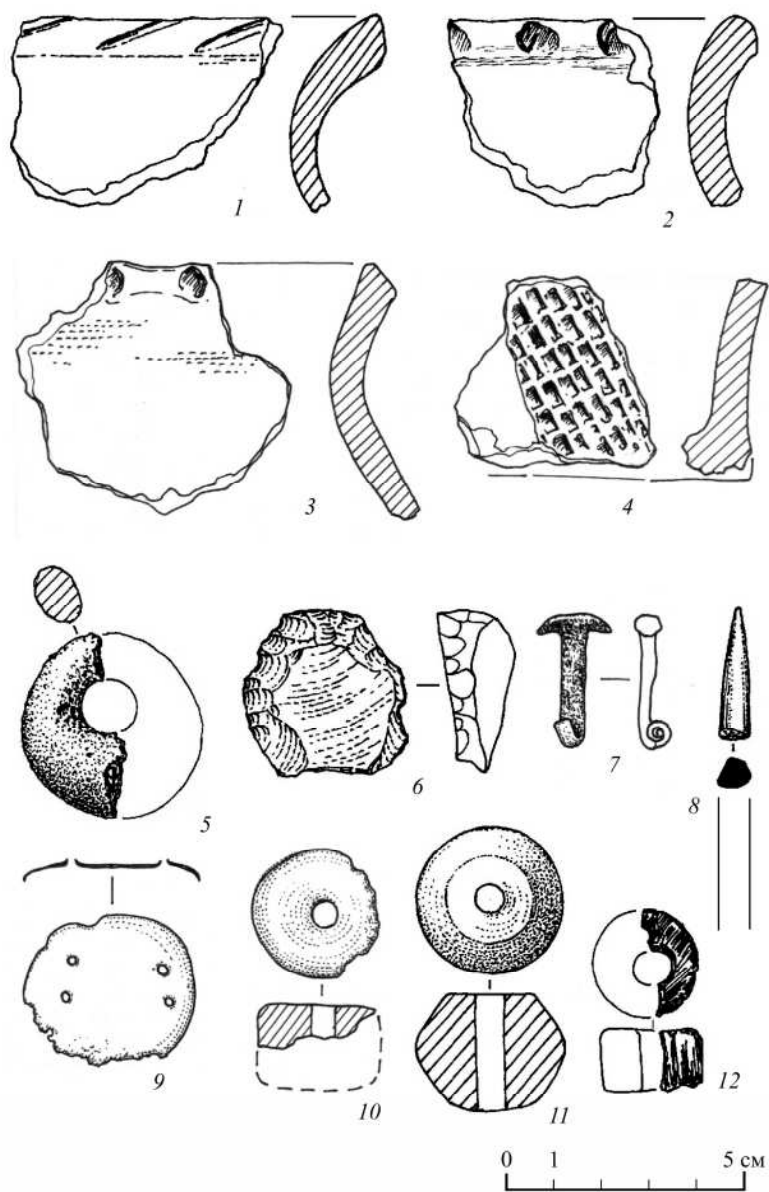

Рис. 6. Керамика раннего железного века (1-4) и вещевой инвентарь.
 5 - камень; 6 - кварцит; 7 - железо; 8 - кость; 9 - бронза; 10, 11 - глина; 12 - древесный уголь